

УДК 821.161.1 – 32 Сологуб. 09

Е. В. Молчанова

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Поэтика новелл Ф. Сологуба (цикл «Недобрая госпожа»)

Молчанова О. В. Поэтика новел Ф. Сологуба (цикл «Недобра господиня»). У статті аналізується поезика новел Ф. Сологуба «Втіха», «Маленька людина», «Різдвяний хлопчик» як репрезентативних для циклу «Недобра господиня» (1913). Показана важлива концептуальна, структуротвірна та циклотвірна роль у цих новелах мотивів туги, страху, самотності, нудьги, втоми, богопокинутості, відчуженості, сирітства. пилу та ін. Схарактеризовано типи героїв та хронотопу в них. Проаналізована автоінтертекстуальна, символічна та міфопоетична природа розглянутих елементів жанрової структури новел цього циклу.

Ключові слова: *новела, цикл, мотиви, автоінтертекст.*

Молчанова Е. В. Поэтика новелл Ф. Сологуба (цикл «Недобрая госпожа»). В статье анализируется поэтика новелл Ф. Сологуба «Утешение», «Маленький человек», «Рождественский мальчик» как репрезентативных для цикла «Недобрая госпожа» (1913). Показана важная концептуальная, структурообразующая и циклообразующая роль в этих произведениях мотивов тоски, страха, одиночества, скуки, томления, усталости, богооставленности, сиротства, пыли и др. Охарактеризованы типы героев и хронотопы в них. Проанализирована автоинтертекстуальная, символическая и мифопоэтическая природа рассмотренных элементов жанровой структуры новелл этого цикла.

Ключевые слова: *новелла, цикл, мотивы, автоинтертекст.*

Molchanova E. V. The Poetics of short stories by F. Sologub (cycle «An evil lady»). The article analyzes the poetics of short stories by F. Sologub's «Consolation», «Little Man» «Christmas Boy» as a representative of the series «An evil lady» (1913). The motifs of melancholy, fear, loneliness, boredom, weariness, fatigue, abandonment by God, abandonment, dust and others were shown to play an important conceptual, structurizing and chelating role in these short stories. The types of characters and chronotope are characterized. Autointertextual features are analyzed with mythopoetic structure of short stories genre in this series.

Keywords: *novel, cycle, motifs, autointertext.*

Малая проза Федора Сологуба в его творческом наследии хотя и занимает существенное место, все еще исследована в гораздо меньшей степени, чем его поэзия и романы (особенно «Мелкий бес») [2; 3; 4; 7]. Между тем представляется, что она заслуживает особого внимания, поскольку сыграла важную роль как в становлении художественного мира писателя-символиста, так и в обновлении русской литературы на рубеже XIX и XX столетий. Свою малую прозу Сологуб, как правило, группировал в циклы: будь то сказочки («Заклятие стен», 1909–1912), или миниатюры («Книга превращений», 1906–1908; «Книга стремлений», 1909–1911), или новеллы («Земные дети», 1913; «Дни печали», 1913–1914) и др.

Один из первых циклов его новелл составили «Красота», «Утешение», «Обруч», «Жало смерти. Рассказ о двух отроках», «В плену», «Маленький человек», «Рождественский мальчик» – произведения, написанные в 1896–1907 годах. Заголовочный комплекс

этого цикла включает название («Недобрая госпожа») и эпитаф:

Маленькие и невинные, но уже обремененные грехами поколений, пришли они к Жизни, – улыбаться и радоваться. Чем же ты, Жизнь, обрадовала их?

У тебя есть зори и розы, радуги и благоухания, яркие сияния и прохладные тени, алмазы и росы, у тебя есть радости идиллий и восторги борьбы, и много у тебя элементов счастья, – зачем же ты злая и мучительная? И зачем ты хочешь, чтобы плакали дети?

И ты требуешь, чтобы тебя любили? [44:448].

Судя по всему, и заглавие, и эпитаф относятся как ко всему циклу, так и к каждой новелле в отдельности, выполняя концептуальную и структурообразующую функции. Интерпретация заголовочного комплекса, учитывающая творческие и жизненные ориентиры Сологуба, позволяет полагать, что за образом Недоброй госпожи стоит сама Жизнь (Смерть у писателя ассоциируется с образом Ласковой

Подруги). Именно жизнь и ее Создатель, по Сологубу, повинны в человеческих несчастьях и страданиях. Мысль автора о богооставленности мира и жестокости мучительной жизни проходит лейтмотивом через все новеллы цикла. Покажем это в процессе анализа таких репрезентативных новелл, как «Утешение» (1904), «Маленький человек» (1907) и «Рождественский мальчик» (1905).

«Утешение» было написано Сологубом еще в 1896 году и впервые опубликовано в сборнике «Жало смерти» (1904), а затем перемещено в цикл «Недобрая госпожа» (1913). Сюжетобразующим событием в «Утешении» становится смерть четырехлетней девочки Раи, оставленной без присмотра матери и выпавшей из окна четвертого этажа. Произошло это на глазах у главного героя, Мити Дармостука, и изменило всю его последующую недолгую жизнь, приведя мальчика к самоубийству.

Трагическая гибель ребенка, вызывающая бурю эмоций у читателя, на первый взгляд, совсем не трогает самого писателя. Однако Сологуб вовсе не бесчувственный садист, в чем его неоднократно обвиняли критики. Свои размышления он доверяет герою новеллы: «А если бы Раечка выросла? – подумал Митя. – Была бы горничная, как Дарья, помадилась бы и косила бы хитрые глаза...» [9:517]. Таким образом, Сологуб, как и в своей поэзии («Живы дети, только дети, – мы мертвы, давно мертвы») утверждает, что дети лучше взрослых, их помыслы светлее и чище, они обладают высоким чутьем истины и красоты, которое с возрастом, по Сологубу, утрачивается или уничтожается не без помощи Недоброй госпожи – Жизни. Поэтому писатель и дарует своим героям смерть-избавительницу в раннем возрасте, не дав ощутить на жизненном пути бесконечное множество ожидающих их в будущем страданий и мучений.

Такое понимание новеллы соответствует ее названию и вписывается в контекст подобных истолкований мотивного комплекса «дети – жизнь – смерть» в других лирических и прозаических произведениях писателя (новеллы «Червяк», 1906; «Баранчик», 1908 и т.п.), но, видимо, не исчерпывает весь ее смысловой потенциал, заложенный автором. На наш взгляд, возможна и другая интерпретация финала новеллы. В воспоминаниях Мити о смерти Раечки возникает картина, рисуемая, как струйки Раечкиной крови смешиваются с пыльным сором. Этот акт смешения можно истолковать как породне-

ние Раи с Недотыкомкой (автоинтертекстуальным образом одноименного стихотворения) и уподобление ей. Эта мысль находит подтверждение в тексте новеллы: «Пыльные вихри, дымовые столбы и облака слагались для него в Раечкин образ» [9:527]; «...пылью рассыпалась она и скрылась» [9:525]. Поэтому смерть Раи и Мити (как и детей вообще) может и не стать избавительницей от мучений, поскольку она спровоцирована «мелким бесом», а не послана Богом.

В этой новелле действительно царит Недотыкомка. Ведь доминантные позиции в ней принадлежат мотивам *неприязни, отчужденности, озлобленности, ненужности, непонимания, томления, пыли и др.* Во всем многообразии в «Утешении» представлена и низшая демонология. Как всегда у Сологуба, черты нечистой силы воплощены вроде бы в обычных людях, растративших при жизни все свои высшие ценности, которыми человек наделен с момента рождения, и стали похожими на демонов. Так, в представлении Мити барыня Урутина – «ведьма», горничная Дарья – «чертова кукла», дворники – хуже домовых: «от них не отчужаешься» [9:530]; а дворницкая – нора, обиталище домовых: «Люди были не похожи на людей: шли русалки с манящими глазами, странно-белыми лицами и тихо журчащим смехом, – шли какие-то, в черном, злые и нечистые, словно извергнутые адом, – домовые подстерегали у ворот, – и еще какие-то предметы, длинные, стоячие, были как оборотни» [9:535]. Все это предвещало героев-оборотней и модель мира романа-мифа «Мелкий бес» (1907).

«Маленький человек» – одна из самых лучших, а сегодня, благодаря исследованиям В. А. Келдыша [5], Н. С. Смирновой [8] и др., и самая известная из новелл Сологуба. На наш взгляд, высокая степень многозначности ее художественной ткани позволяет дополнить и уточнить существующие интерпретации финала и всей новеллы. Подобно тому, как светлый образ Раечки из «Утешения» постепенно приобретает демонические черты, все более и более сближаясь с Недотыкомкой за счет символического мотива *пыли*, так и Саранин, случайно выпив волшебные капли и превратившись в пылинку, на наш взгляд, демонологизируется. Поэтому ни несчастья героя («маленького человека») в его примитивной и пошлой жизни, ни его нелепая смерть не вызывают у читателей сочувствия и сострадания.

По сути, новелла «Маленький человек» стала авторским «новым мифом» о Человеке

и его месте в мироздании. Если учесть, что в 1907 году был опубликован и роман-миф «Мелкий бес», над которым Сологуб работал все предыдущее десятилетие, то можно предположить, что на этот раз не новелла подготавливала роман, а наоборот, результаты художественного исследования жизни человека в романе-мифе лаконично воплотились в неомифологической новелле.

Как отмечают исследователи [1; 6], писатель-символист внес новации и свой колорит и в «календарные» новеллы, приуроченные к датам наиболее значимых христианских праздников, за счет своеобразной религиозной позиции, пессимистических настроений и негативного пафоса. Покажем, как в них функционировали и варьировались излюбленные и постоянные в его творчестве темы и мотивы. Так, в центре новеллы **«Рождественский мальчик»** – встреча героя с обитателем потустороннего мира, являющимся посредником между реальной и ирреальной действительностью. Усталость и экзистенциальное одиночество зарождают в утомленной душе героя с говорящей фамилией Пусторослев надежду на чудо, которая подготавливает его встречу с потусторонним существом – маленьким, белым, сияющим мальчиком, лет десяти на вид. Как и полагается в рождественском рассказе, такое чудо смогло состояться только в сакральное время праздника Рождества. Оба героя нуждались друг в друге, и их встреча помогла обоим. Пусторослев ненадолго ощутил долгожданную радость отцовства, а неземной гость, стремившийся «вочеловечиться», получил возможность стать обыкновенным десятилетним мальчиком Гришей. Однако постоянные черты этого образа (бледное лицо, белизна и сияние кожи, горящие черные глаза, темная улыбка, худощавость) ассоциируются не столько с ангелом (посланием Бога), сколько с нежитью (причастной к бесовскому миру) и, на наш взгляд, предвещают белых «тихих мальчиков» из романа Сологуба «Творимая легенда» (1914).

Особенностью хронотопа новеллы «Рождественский мальчик» является то, что даже пространственно-временные характеристики сопровождаются мотивами *тоски, томления, скуки, одиночества, усталости, безнадежности, страха* и др. Тем самым создается ощущение погружения в атмосферу томления, в которой пребывают герои Сологуба, и доминирования эмоционально негативного пафоса во всем произведении. Неудивительно, что в таком мире счастье Пусторослева

продлилось недолго: в финале новеллы мальчик погибает, а герой, судя по всему, остается навсегда одиноким.

Как правило, в классических образцах календарной прозы (даже в «Мальчике у Христа на елке» Достоевского») финал рождественских новелл и рассказов, несмотря на предыдущие неординарные происшествия и даже ужасы, либо благополучно разрешает коллизии, либо оставляет светлую надежду на лучшее. Спецификой же сологубовских новелл является то, что мотив *надежды* непременно сопряжен с мотивами *безнадежности, обреченности и ожидания смерти-избавительницы*, образуя своеобразный мотивный комплекс. Так, в «Рождественском мальчике» после смерти Гриши Пусторослев снова остался один, втянутый в ежедневную суету хлопот о каком-то важном, но никому не нужном деле. Но в канун великого праздника Рождества Христова к нему снова и снова приходит сияющий рождественский мальчик, зовущий опечаленного барина за собой, в мир новый и светлый. Пусторослев жаждет этих встреч, мечтает войти в потайную дверь на стене и пойти за странным гостем, отчетливо понимая, что главным и единственным проводником в лучший мир может стать для него собственная смерть. В ответ на настойчивый шепот неземного существа «Вместе пойдем!» герой эхом вторит: «Вместе умрем!», – что, по Сологубу, является одним и тем же.

Сходные коллизии, типы героев, мотивы и авторская позиция обнаруживаются и в остальных новеллах цикла «Недобрая госпожа», сопрягая их в некую идейно-художественную целостность. Таким образом, анализ репрезентативных новелл этого цикла позволил выявить ряд особенностей. Важнейшие концептуальные и структурообразующие функции в них выполняют, прежде всего, авторинтертекстуальные символические и мифопоэтические мотивы, которые пришли из лирики Сологуба и расширили в новеллах свои значения. Кроме того, переходя из новеллы в новеллу, они выполняют и циклообразующую функцию. Если же учитывать, что уже в лирике эти мотивы имели неомифологическую природу, то это приводило к осмыслению сюжетно-фабульного ряда не только на бытовом или социально-психологическом, но и на бытийном уровне. Исследование специфики поэтики ранних новелл Сологуба показало, что в них аккумуляровались почти все основные темы, мотивы и проблемы, которые затем функционировали

и развивались в дальнейшем творчестве писателя, подготавливая его лиро-эпические романы, а иногда и подытоживая их.

Литература

1. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм / Х. Баран // Поэтика русской литературы начала XX века : Сборник: Авториз. пер. с англ. ; [предисл. Н. В. Котрелева; общ. ред. Н. В. Котрелева и А. Л. Осовата]. — М. : ИГ «Прогресс» — «Универс», 1993. — 368 с. — С. 284—327.
2. Бройтман С. Н. Федор Сологуб / С. Н. Бройтман // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2-х кн. Кн. 1 / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Наследие, 2001. — С. 882—933.
3. Ерофеев Вик. На грани разрыва: «Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции / Виктор Ерофеев // Вопр. лит. — 1985. — № 2. — С. 140—158.
4. Ильев С. П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики / С. П. Ильев. — К. : Лыбиль, 1991. — 172 с.
5. Келдыш В. А. О прозе Ф. Сологуба в свете русской классической традиции / В. А. Келдыш // Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы : Общие закономерности. Проблемы прозы / В.А. Келдыш. — М. : ИМЛИ РАН, 2010. — 512 с. — С. 149—162.
6. Магалашвили А. Р. Рождественские мотивы в новеллах Ф. Сологуба и влияние на них философии А. Шопенгауэра [Электронный ресурс] / А. Р. Магалашвили. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://litved.narod.ru/rojd.html>
7. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов /З.Г. Минц // Учен. зап. Тартуск. ун-та // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века : Блоковский сб. III. — Тарту, 1979.
8. Смирнова Н. С. Образ «маленького» человека в творчестве Ф. Сологуба и Н. В. Гоголя : V Сологубовские чтения [Электронный ресурс] / Н. С. Смирнова. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.kresttsy.ru/node/430>.
9. Сологуб Ф. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Тяжелые сны : Роман. Рассказы / Ф. Сологуб ; [сост., примеч. Т. Ф. Прокопова; вступ. статья С. Л. Соложенкиной]. — М. : НПК «Интелвак», 2000. — 664, [1] с.